

Алик Гасанов
Было дело...

короткие рассказы, сборник №-3

Алик Гасанов
Было дело... Короткие
рассказы, сборник №-3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23462893

ISBN 9785448390654

Аннотация

В серии этих сборников – короткие рассказы из жизни, про жизнь, и за жизнь. И юмористические заметки, и соцреализм. Мир вам!

Содержание

Артисты	5
Бамбалейло	24
Верочка	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Было дело...
Короткие рассказы,
сборник №-3

Алик Гасанов

© Алик Гасанов, 2017

ISBN 978-5-4483-9065-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Артисты

...Поездом мне пришлось ехать всю ночь. Поездка, мне кажется, самое приятное изобретение человека. Ведь это действительно приятно – разместиться поудобнее, подоткнув под себя шмотки-манатки, и, сладко отмечая, что всё вокруг разумно и закономерно, отдаться на волю грёз и фантазий, благо объектов для созерцания – море. Вокруг меня бегут чьи-то судьбы, обрывки фраз оседают в голове, а впереди целая ночь, и ты законно бездельничаешь, словно сытый кот с яблони наблюдаешь окончание свадьбы во дворе, когда гости уже выдохлись, и уборка столов отложена на утро. И, хмелея от убаюкивающего стука колёс под плескание литра пива в животе, я мудро размышляю о бытие вещей, украдкой любясь линией талии девушки в спортивном костюмчике, что-то душистое втирающей в хорошенькую мордочку перед крохотным зеркальцем. Ко сну готовится, чистюля... Уставший проводник проходит вдоль открытых плацкарт, заглядывая, бормочет озадаченно что-то. За ним осторожно пробирается здоровяк румяный:

– Та там тильки одну ночь!.. Бабушка ста-аренькая!..

– Да я понимаю, что «одну ночь»... – проводник вздыхает, в тон здоровяку мягко оправдывается, – Я ж говорю, если только кто уступит... А тут кто?, – негромко кивает он мне, неслышно похлопав по нижней полке подо мною.

Я всегда готов помочь в ответ на вежливость. Мало того, я ещё и обострённо сообразителен после пива, как я заметил:
– Тут женщина с ребёнком. В туалет пошли... А что, именно нижнее место нужно?

... – Да..., – проводник неопределённо тянет, оглядываясь.

Все нижние полки заняты. Там дед храпит. Тут полная дама доедает «бич-пакет», тоже вряд ли удобно её «наверх» попросить. Свободных верхних полок в вагоне штук десять. А бабульку срочно отправляют поездом. На перроне с десятков людей её бережно провожают, двое ходят, помогают проводнику найти, с кем поменяться на «нижнее», ибо бабулька древняя, закинуть её наверх ни каких проблем, сухонькая, маленькая, а всё боязно, уйдёт ночью.

... – На Сухоревке её встретят, – десятый раз здоровяк объясняет проводнику, – Тут ехать-то... Часиков восемь... Неужели не пристроим, товарищ проводник...

... – А тут кто?, – проводник хмурится, вздыхает, тихонько пробираясь по сумраку засыпающего вагона.

Со здоровяком они остановились перед мужиком лет сорока, сидящим за столиком.

– Мужчина..., – мягко начинает проводник, и здоровяк благоговейно замер сзади, расплываясь румяной улыбкой, – Вы не могли бы поменяться? Женщина очень взрослая. А у неё верхняя полка. Ей до Сухоревки только... Очень нужно.

Мужик быстро дожевал пирожок, и поставил стакан на столик:

– А я при чём?

... – Понимаете..., – синхронно начали здоровяк с проводником, и проводник строго оглянулся, и тот покорно заткнулся, обе ладони прижав к улыбке, – Понимаете, все места нижние заняты. А бабушка очень взрослая...

... – Девяносто два года!..., – быстро шепнул сзади здоровяк, виновато склонив голову.

... – Неужто мы её заставим на верхнюю полку лезть?.. Если вам не трудно...

Мужик нахмурил брови, и стал размышлять над проблемой, ерзая и выглядывая в проход:

– А вон там чего?

... – Там не получится. Там тоже пожилые.

– А там?

... – А там с ребёнком. Женщина. Придут сейчас.

Мужик посочувствовал, что действительно проблема есть, и когда здоровяк подвёл к нему крохотную бабку в платочке, и поставил рядом с бабушкой узелок, до него вдруг дошло, что ему предлагают уступить своё место.

... – Не-не-не-не-не!..., – мужик зашептал так горячо, аж руками замахал, мотая головой, – Вы что? Не-не-не-не!..., – подкрепил свой ответ, широко расставив ноги, занимая законную полку, – Вы что?.. Я специально беру нижнюю. Вы что? Никак не получится!..

Проводник со здоровяком чуть опешили и замерли, и проводник дал мужику горячо прошептать, и опять начал деликатно, кланяясь, и поднимая брови:

– Я очень вас прошу. Больше нет вариантов. Мы уже десять минут по вагону ходим... Понимаете? Вам же не трудно совсем... Только...

... – Не-не-не-не..., – мужик отмахивается, как от мухи, всем видом показывая, что даже и слушать не будет этот бред, – Вы что? Уто я себе билет покупал, щёб кому-то там место уступать, что ли?..

... – Я вас очень...

... – Не-не-не-не-не!..., – мужик аж привстал от негодования, отмахиваясь, зашептал громче, совершенно расстраиваясь, – И я тут при чём?.. Уто я буду себе билеты покупать, щёб... Не-не-не-не-не!.. Вы что?!..., – шумно плюхается на своё место, громко отхлёбывает чай, шумно ставит стакан, – Уто оно мне надо?.. Ни чего не знаю!.. Вы что?.. Издеваетесь?..

... – Что вы ей-богу, мужчина!..., – полная женщина подала голос из прохода, увидев, что бабульку осторожно повели обратно, – Вам же совсем не трудно?.. Сделайте такую милость!..

А мужик на первом же её слове уже говорит с ней одновременно, распаяя себя:

... – Придумать же такое!..., – нервно усмехается, – Ты смотри, ей богу!.. Уто я себе билеты покупаю, чтобы всем

подряд потом уступать, смотри ты на них!.. Да?..

– Да нету тут места больше! Мужик! Трудно что ли?, – рычу я сверху из своего дупла, и женщина, почувствовав поддержку, тоже говорит погромче, – Мужчина вы, или нет, в конце концов?.. Неужели вы не понимаете?..

А мужик разошёлся:

– А оно мне надо? Оно мне надо?!, – кричит он в проход, упёршись руками в верхние полки, всем видом показывая, что грудью встанет на защиту своего места, – Вот сама бы взяла и уступила, раз такая умная!..

– Да что вы, ей-богу?!, – я не выдерживаю, высовывая голову, – Хорош орать. «Внизу» только женщины и старики... Не видишь?... Неужели...

... – И щё мне теперь?!, – переключается мужик на меня, – Сам бы взял и уступил?, – аж губы побелели.

... – У меня верхняя полка! Дядя!..

... – Ага!..., – мужик не слушает, горько качая головой, словно лев в клетке, ищет поддержки во взглядах, нараспев качая свою обиду, – Умные все, гля... Уто я буду...

И всё в таком духе. Он не пытается даже на секунду предположить, что ему придётся отдать своё.

Нервно допив чай, он остервенело вытер невидимые крошки, пять минут уже расставляет стакан и тарелку на столике, расправляя салфетку, не находя себе места.

Поезд плавно пошёл, и мы с женщиной высунулись в проход, вытаращились друг на друга. Что с бабкой-то?

А за несколько купе от нас смуглая девушка с грудным ребёнком сама вызвалась, и усаживает бабуку на своё место, и добренькая, словно из мультика, бабука, шамкает беззубым ртом, и гладит девушке руку, и благодарит неслышно, а сонная девушка улыбается ей сдержанно и осторожно укладывает спящего малыша наверх, а потом осторожно укладывается рядышком, подпихнув под поясницу простынь.

... – Уто мне оно надо?.. Надо?.. Артисты, ей-богу!..., – всё тише бухтит мужик, и поезд разгоняется, стучит, покачивается, и я скоро начинаю дремать, но просыпаюсь уже через пару минут от резкого крика:

– Да заткнёшься ты уже, скотина? Спи уже!..

Дед, спавший напротив мужика, не выдержал видно его причитаний в темноте...

В Коломне.

...По Россее-матушке разбросаны мелкими щепотками тысячи маленьких неприметных городков. Раньше построят ферму, к примеру, или фабрику, и вот потянулся уже народец. Сначала посёлок прирастает тощий к фабрике, потом уже и деревенька образовалась. Всегда так было. Маленький городишка всем скопом трудится на фабрике, люди женятся, детей рожают. Хорошо, если фабрика окрепнет, и в целый завод вырастит. Городок разрастётся, школу, того гляди по-

строят, магазинов штук десять уже. И дороги потянут. И работы всем хватит. Так вот и мой родной город рос. Сначала целинники в теплушках-вагончиках обитали, потом посёлок вырос на 4—5 тысяч человек, и пошло, и поехало... Мне четыре года исполнилось, когда отец получил двухкомнатную квартиру на седьмом этаже!.. В школу пошёл, отец «Жигуль» одиннадцатой модели приобрёл!..

А бывает, что не повезло фабрике. Или начальство тупорогое попало, или разворовали грамотно, и фабрика захирела, аварии каждую неделю. Работа станет, народ давай расслабляться. И вот уже смотри, год-два, а от фабрики одно название. Заказов нема, сырьё съели, народ пьёт. И через десять лет посёлок с когда-то звонким названием Удачный, почти доросший до того, чтобы городком называться, окончательно уже сгнил и потух. Смотрит он на проезжающих мимо испитым беззубым лицом, смотрит зло и невесело. И молодой ещё совсем, а смотри – вся рожа в шрамах, перегарище безбожный, и здоровья уже никакого, и карман дырявый...

...Гоняли нас в армии на работы. Для солдата это волнительное и приятное мероприятие, между прочим. Нет, конечно же можно вляпаться в ударную помощь по сбору кормовой свеклы где-то в Дальних Хреначах под проливным дождём. Пашня липкая, грязи по шею, покупатель*-сука жадный, ни курева нет, ни обеда:

– Вот ишо часик поработаем, хлопцы, – весело кричит из кабины грузовика, – и поедете в часть, на обед...

А в части пшёнка опостылевшая. И едем мы потом в кузове, мокрые, злые и голодные, опоздав на обед часа на три...

Один раз, помню, так же забрали нас куда-то таскать шпалы. Летний зной, марево пылью пышет по степи. Мы ломками выковыриваем из заброшенного тупика шестиметровые (!) древние шпалы, грузим их вручную (!) в грузовик, а рядом, на небольшом пляжике возле речушки, очередной покупатель затеял пикничок. Музыка поёт про «ягоду-малину», три девушки и пять мужиков плещутся в реке, мангал организовали. Покупатель, чтобы приятное с полезным соединить, пока за нами присматривает, привёз с собой на природу пару друзей с жёнами, дочку с одноклассниками, отдыхают...

Если вы никогда не грузили в кузов вручную шестиметровые пропитанные гудроном* шпалы, то я вам не буду сейчас объяснять, чего это такое. Вы сами попробуйте как-нибудь. Тяжелее этого только процесс выковыривания этих вросших уже в землю шпал. На кой они ему сдались, эти шпалы? Говорили – коровник он из них затеял сложить. А чё? Шпал – целая степь. Когда фабрика работала, к ней с трёх сторон пути прокладывали. Теперь вот разбираем мы. И вот мы уже вшестером измудохались так, что уже и боязно как-то. Кто-то сказал: «когда носишь кирпичи, каждый последующий кирпич на полкило тяжелее становится». Истинная правда, господа! Начните вшестером таскать шестиметровые шпалы, поднимая их на полтора метра в грузовик, и я вам гарантирую – после десятой шпалы вы будете готовы поклясться

в суде, что шпалы становятся тяжелее и тяжелее. И если первых пять-шесть штук мы с хохотом и негромким матерком весело забрасывали в кузов, подтрунивая друг над другом, то девятнадцатую мы уже волочём, словно бурлаки мёртвого кита, оставляя по степи длинную кривую, молча и тяжело дыша, высовывая языки, и уже особо не заботясь чтобы не пачкать форму в гудроне... Руки отнимаются и сохнут. Прибив пальцы в третий раз (на одной и той же руке!), вы уже злобно рычите на друга:

– Аккуратнее, сука!.. Куда ты толкаешь?!..

– Не толкаю я!, – хмуро огрызается Андрюха Борисенко, – Сам нормально держи!..

– Держу я!..

И вот уже шуточки кончились, и работа превращается в...

...Самое неприятное в такой работе, это то, что нет временных и качественных границ, я заметил. Покупатель хочет нахапать на халяву как можно больше, поглядывает иногда на наши потуги, посматривает на часы, подходит, подсчитывая шпалы:

– Аккуратнее, мужики, аккуратнее...

После обеда уже, когда сил действительно нет уже ни каких, мы мрачно «перекуриваем», садясь прямо в пыльную полынь, и хмуро переругиваемся хрипылыми голосами:

– Я улыбаюсь, Клава...

– Ты, да ну его на фиг... Такую... хрень... бля...

– Пожрать, короче... тоже... не светит сегодня...

С пляжа кричат девушки:

– Мальчики-и!.. Ма-альчики!..

Плотноядно сглатывая, мы украдкой поглядываем на прыгающий красный купальник.

– Ма-альчики!.. Пойдёмте!.. Устали, небось?.. Пошли к нам!..

– Всё-таки есть бог на свете..., – Андрюха сплёвывает, недобро усмехаясь, поднимаясь тяжело, – пошли что ли...

Наскоро отряхнувшись, мы подходим не спеша, солидно.

– Устали, ребята?.., – красавица только что из реки вылезла, загорелые плечи в мурашках мокрых, грудь колышется от смеха, – Пошли к нам!.. Что вы всё, ей-богу?.. Не убежит ваша работа ни куда!.., – смеётся зараза так, что дух захватывает. Волосы мокрые назад зачёсывает. Ух... Хороша..., – Пошли в волейбол?!.. Пошли?.. Не стесняйтесь!.., – смешно хватая Андрюху за руку, – Пошли, пошли!.. Владимир Александрович!.. А где у нас мячик?..

И следующие полчаса, мы, раздевшись по пояс (она так же весело заставила снять!), бездарно играем в волейбол. Мы в кирзочах неловко скачем по песку, и девушки в купальниках хохочут, обыгрывая нас, как щенков.

... – Ну всё!, – торжественно объявляет мужик возле мангала, – Давайте заканчивайте там, спортсмены!.. Победила дружба!.. Давайте к столу уже!.. Галя, хлеб режь!..

К нему подходит наш покупатель, они негромко переговариваются, и нас отправляют к грузовику, и мы лезем в кузов,

рассаживаясь и прилипая жопами к проклятым шпалам.

– Я по-быстренькому!, – кричит Владимир Александрович, – Без меня не начинайте!.. Ребят отвезу и вернусь!.. Пятнадцать минут!..

И мы пылим по дороге, и девушки машут нам вслед.

...Но так было не всегда.

Как-то нас втроём забрал сухонький невысокий старик, и мы приехали в удивительное место. Рядом с железнодорожной платформой в пять-шесть путей забором огорожен огромный склад леса под открытым небом. Высокие штабели брёвен, досок, коряг скручены проволокой в палец толщиной. Мощный запах душистой сосны, свежее освежеванной на пилораме, приятно бодрит и волнует. «Лесозаготовочная...» чего-то там, написано на облупленной табличке. Поезда лениво подтягивают вагоны с брёвнами, мужики с короткими крючьями резво прыгают, карабкаются, где поштучно, а где всем махом высыпают с шумом брёвна на перрон, брёвна звенят и подрагивают, подпрыгивая, всё вокруг покрыто щепками и корой. Лебёдка тянет на цепной удавке огромное бревно, затаскивает в большой сарай. Оттуда раздаётся ритмичный гул. «Жи-ху!.. Жи-ху!..», – постепенно разгоняется, ускоряясь, и, набрав скорость, уже орёт торопливо «жи-жи! жи-жи! жи-жи!...» Где-то рядом надрывается со слезой циркулярная пила: «Пииниии-дзя-а-а-а-уммммм!..»

Мы глазеем по сторонам. Всё кипит и работает. Вон столлярный цех. Мужик доску тащит:

– Петрович!.. Ты де пропал?

– «Де пропал»!, – передразнивает наш старичок, – «Де-де»!.. В манде!.. Зайди ко мне сейчас!..

Петрович – бугор*. Приведя нас в небольшой и уютный кабинетик на втором этаже прямо над столярным цехом, старик усаживается за стол:

– Короче так, мужики, – скрещивает пальцы, – Без меня – ни каких движений. Понятно? Узнаю, что мутите – не обижайтесь. Понятно?

– Понятно, – говорим.

У Петровича на левой руке нет указательного пальца, а на правой – два пальца без фаланг.

– Работа не пыльная, – продолжает бугор, – не обижу. Чай-курить всегда найдётся. Щас похаваем немножко (А-а-лилуя!.., – пропело в голове) и пойдём, я вам цех покажу, и фронт работы. Понятно?..

... Через пять минут мы сидим за этим же столом Петровича, стол накрыт газетой, на столе сало, огурцы, кастрюля душистого супа (жить хочу!), хлеб, зелёный лук, помидоры и бутылка водки.

... – А я же тебе говорю, – Петрович разливает по стаканам. С нами сидят ещё три мужика, все припудренные древесной опилкой, – Он, сука, по-хорошему не понимает. Говорил я тебе?..

– Говорил, – вздыхает огромный здоровяк, которого все зовут «Тушин», – а...

... – Вот я тебе чё и говорю, – назидательно перебивает бургор, – С ним по-хорошему нельзя. Понял?.. Я ему прошлый раз чё сказал?.. «За базар надо отвечать!» Говорил?

– Говорил..., – Тушин вздыхает горько, выпивает до дна, прослезившись, занюхивает хлебом, – ды...

... – А он чё?.. А?.. Он-то чё?.. Я ж говорил тебе – пока он деньги не перечислит, ни какого с ним разговора. Говорил я тебе?..

– Говорил..., – здоровяк запихивает в рот замысловатый бутерброд – на кусочек хлеба он положил кусок сала и всё это обмотал, словно верёвочкой, зелёным луком. Я тут же замечаю, что у Тушина тоже нет пальца на руке. Присмотревшись к мужикам, я вижу, что у всех у них не хватает по два-три пальца... Вон тот, сбоку от меня, вообще ложку держит изуродованным кулаком. Все четыре пальца, кроме большого, срезаны до половины одним, видимо, разом...

– Вот я чё и говорю!, – Петрович качает головой укоризненно, – Сначала слушай, что старшие говорят. Понял?, – выпив водку, по простому ругается на нас, – А вы чего сидите?.. Жрите, давайте!.. Чё жмётесь?.. Давай-давай!.. – и смотрит строго, как отец, – Я шучу, что ли?.. Работать сейчас будем!..

Наевшись от пуза, трижды «перевернув» по полстакана водки (Всё мужики, харэ!.. А то работать не сможете!), мы идём в цех.

– Вот тут, смотри, он будет принимать, а ты на подхвате,

понял?.. Вот так вот, смотри. Коля, давай!..

И резвый Петрович, раскорячившись, как вратарь в хоккее, показывал, как «подхватывать». Тушин кладёт на стол «циркуляры» грубооструганную доску, Коля толкает её, «распуская» на два бруса, Петрович «принимает», бойко складывая в штабель у стены. Пока вернулся – уже опять бежать надо. Живой конвейер. Один остановится – всё встанет. Тушин, Коля, Петрович, Тушин, Коля, Петрович...

– Чё стоишь? Понял?.. Давай-давай!..

Тушин, Коля, я, Тушин, Коля, я...

– Шевелись!.. Чё ты?!.. Вот так, смотри!, – Петрович ещё раз показал, не останавливая мужиков, – Понял?..

И пошла наша работа.

Петрович чем-то расплачивался командиру части. Скорее всего лесом. А мы втроём почти месяц каждый день работали на «Лесозаготовке», и там было хорошо. Кормили нас мужики отлично. Но и пили мы каждый день. Мужики нас опекали, называя «пацанвой». Утром, плотно покушав и «хряпнув» по сто грамм «для порядку», они расходились по своим углам, и всё начинало шуметь и стучать, потом собирались к обеду у Петровича, и опять мы слушали их негромкую беззлобную ругань, обедаясь превосходной домашней едой. Вечером, часам к пяти, когда начинало уже темнеть, участок постепенно затихал, мужики по-одному не спеша поднимались в «бугорскую», лениво курили и «базарили». Несколько дней нас в часть возил УАЗик. А потом Петрович

разрешил нам ходить в часть пешком, через лес, взяв с нас мужское слово «не мутить». Чуть больше километра по тропинке, мы шли темнеющим засыпающим лесом, молча покуривая. Проходили мы всё время краем небольшой деревни со странным названием – Перочи.

... – Короче, дело к ночи... Приехал я в Перочи.., – негромко напевал Андрюха свою дурашливую песенку, всякий раз переходя на удивительную по пошлости хрень, – И там я как-то Вале по-яйца засандалил... И Валя мне сказала: Навеки я твоя...

Эти его песенки всё время ставили меня в ступор. Всегда безошибочно подбирая рифмы, змей-Андрюха почему-то настойчиво склонял все известные миру женские имена, измышаясь иногда до такого неприличия, что даже мои, выдавшие виды уши, сворачивались от стыда в трубочку, и краснели.

... – А как-то в чистом поле, – сам себе бормочет Андрюха, – я засандалил Оле... И Оля улыбнулась: Андрюша милый мой... А продавщицу Катю я как-то на кровати...

Сволочь, короче говоря, был наш Андрюха.

...Несколько раз Петрович отправлял нас в Коломну. Удивительный город. Кто-то говорил, что Коломна на сто лет старше Москвы. Места тут такие, что хоть сказку снимай. Сердце Руси. Холмы плавно уходят в густой лес, спускаясь в лощины по берегу реки. Церквей на каждом шагу... Ей-богу, как в сказке. Стоит на пригорке церквушка, как куколь-

ная. Куполами горит на солнышке. Всё ручной работы. Уже беленная-перебеленная. Видел даже полностью деревянную. Ей, говорят, уже лет триста, а стоит. Дуб и лиственница. Перекосилась от времени, в землю вросла, а крепкая. Того гляди Илья Муромец на коне проедет мимо. С копьём...

Гуляя по Коломне... (Петрович отправил в магазин. Я ему как-то пожаловался, что на гитаре струна лопнула. А в казарме без гитары тоска. Он подробно объяснил, как найти магазин. Взял слово «не мутить», и отправил нас с Андрюхой в город «на часик». Четыре остановки туда, четыре обратно. Третий наш работник Игорь Швйдченко (Швед), обожравшись жаренной картошки в обед, завалился на часик «отмочить харю» на досках в столярке, а мы с Андрюхой поехали.) И вот, гуляя по Коломне, я, второй год не видевший гражданской жизни, украдкой присматриваюсь и прислушиваюсь, словно щенок, впервые выглядывающий из родного подвала. Жизнь кипит и течёт. И ни кому дела нет, что ты идёшь в первый раз в жизни по этой улице. Навстречу люди шуруют по своим делам, девчонки семечки грызут, болтая ногами на лавочке, забулдыга сбоку подошёл:

– Не обессудьте, уважаемые, – огромную ладонь протягивает, согнув руку в локте, – Поправиться немного, сколько не жалко...

Мы нашли магазин и купили струны. Нейлоновые. Магазины тут удивительные. Я такие на Кубани встречал. Витрина с конфетами, рядом хлеб, пиво, плоскогубцы, свёрла

десять калибров, женский лифчик кружевной рядом с новенькими тискаами. На всём наклеплены одинаковые жёлтые ценники. Кувалда новая стоит кверху ногами. На торце ценник. Рядом с кувалдой ящик с помидорами – «Красный гигант – 1 кг – 52 коп.»

Каждый раз, шатаюсь по древнему городу, я не понимал, что меня тревожит всё время?.. Только потом я вдруг понял – в любое время суток *практически все* его жители были пьяными. Начиная от девочки 15-ти лет, и заканчивая вон той бабкой беззубой, продающей семечки, все «пьяненькие». Городок мирный и тихий. Редко услышишь громкий голос. Умиротворение и сонное бормотание. А приглядываешься и видишь, да – все бухие. Везде пахнет мочой... Девчонки красивые, смешливые и смелые:

– Света, ты чё там? Пошли, пройдемся!..

Допив пиво, бережно поставили бутылки в урну, одёрнули юбочки, семечки в жменях, зубки белоснежные. Молодость, красота. Фигурки крепкие, точёные. Кожа белая, волосы густые. Такая запросто и станцует, если надо, и spoёт, и матом пошлёт так, что отскочишь. Спелая грудь оттянула узкую блузку, воинственно нацелившись вперёд. Глаз не оторвать... И идут девчонки вразвалочку, поплёвывая семечки алыми ротиками. Весёлые, палец в рот не клади:

– Витёк!.. Чё варежку раззявил?.. Пошли с нами!.., – хохочут над кем-то.

– А пивасика нальёшь?, – парирует Витёк.

– А харя у тебя не треснет?, – ржут в голос, – От пивасика-то?..

И всё вокруг пьяненькое, добренькое и сонное. По улице почти километр мы с Андрюхой шли – навстречу ни одного мало-мальского мужика. Сплошь забулдыги какие-то.

– Не обессудьте, служивые, – скалится деликатно очередной беззубый. А сам лет на пять меня старше, наверное...

...К Петровичу внучка приходила на «Лесозаготовку». Приносила пакет с продуктами, недолго разговаривала, здороваясь со всеми, садилась на «велик», и уезжала. Мужики держались с ней деликатно, потому как Петрович шуток не поддерживал в такие моменты, и хмуро давал указания внучке, кидая холодные взгляды на нас. А девчонка была красивая. Есть такие в России девушки. Красота её свежая, словно берёзка на пригорке. Не яркая, беленькая. Лёгкое платье до колен, без рукавов. На шее бусики, носочки, сандалии смешные, часики круглые. Русую косичку Лена закручивает на макушке в калачик. И смешно и красиво. На висках пружинки тонких локонов отливают солнцем золотым. Ушки розовые. Видя на столе Петровича бутылку, Лена еле заметно хмурится, и Петрович поспешно прячет пузырь под стол.

...Осторожно притормозив, Лена ножку перекидывает, придерживая платье, в нашу сторону посмотрела серьёзно:

– Здравьсти.

– Привет.

Мужики втихаря объяснили нам как-то, озираясь, шёпотом:

– Пахан у неё сидит... Петровича сын. По пьяни жену свою забил насмерть... Беременную... Девять с половиной дали... Петрович говорит – выйдет, убью.

Мы задирали брови, качая головой, а Тушин кряхтел задумчиво, и спокойно подводил итог беседы:

– Убьёт.

Мужики согласно кивали. Мол, и не сомневайтесь.

– Пьяных на дух не переносит... Ленка-то...

А я приглядывался к Лене, и млел. До чего чистенькая девочка. Чего она делает в этой Коломне?.. Чего ждёт её тут?..

— — —

*покупатель** – наёмщик на работы. Как правило ушлый делец, за бутылку сговорившийся с прапорщиком припахать солдат, бесплатную рабочую силу.

*гудрон** – чёрная смола, которой пропитывают шпалы, чтобы они не гнили в земле.

*бугор** – бригадир.

БамбалеЙло

...Жарко было, помню.

Почти обед, и солнышко разкачегарилось ещё не очень, но уже и хватает, кажется.

Я в своей «десятке» стою на ж/д-переезде.

Фу, жарища...

По дороге «плавится» вдали...

Тут всегда не просто проскочить, постоянно пробка собирается.

Ни с того ни с сего вот так закрывается шлагбаум, и из-за поворота медленно выползает состав вагонов, жалобно скуля и скрежеща, и останавливается, скотина... И сидишь в машине, и машина нагревается... И ты потеешь...

И стоишь так, говорю, ты под звонками семафора, и скучаешь.

Иногда так и полчаса простоишь.

...Дорога – две полосы. Ряд – туда, ряд – «встречка».

Нас, бедолаг, перед шлагбаумом собралось уже машин пятнадцать, кто-то даже покурить вышел, кто-то движок заглушил, окно протирает.

Поезд стоит уже минут пятнадцать, звонки дребезжат...

Жарко.

В это время по встречной полосе мимо нас на большой скорости проезжает огромный «лексус» помидорного цвета:

– БамбалеЙло-о-о-о! БамбалеЙло! Фартуна иф ю эт кульпа миа иф ка! -ра! -сон!..., – весело орёт из «лексуса», – БамбалеЙло-о-о, бамбале-ело!..

Мы с интересом наблюдаем, как джип останавливается в сантиметре от шлагбаума и начинает сигналить...

В джипе сидит пухлый паренёк лет двадцати в шикарных очках. На руке цветная татуировка и толстый золотой браслет. Хмуро выглядывая из окна, паренёк опять нервно сигналит, недобро поглядывая на поезд, хлопая пузыри жвачкой. А поезд длиннющий такой, что и не видно, где у него голова, а где ж... эта самая.

– БамбалеЙ-ло-о!...

Паренёк, видимо не привыкший, чтобы его останавливали, сигналит демонстративно длинно, начиная злиться и выглядывать в окно, вытягиваясь по грудь. Майка чёрная с чудовищным оскалом.

Сквозь верещащие звонков и его «бамбалеЙло» я смутно слышу его негодующие восклицания в адрес поезда. Оглядываюсь и вижу, что весело ни только мне одному. Некоторые аж из окон высунулись, наблюдают, как паренёк, уже злощий, как сто чертей, вышел из джипа с явно недобрыми намерениями, даже дверь не закрыл, «бамбалеЙла» орёт в два раза громче.

Невысокий и холёный, пухлый крепыш нервно подходит к шлагбауму, словно несёт невидимые арбузы под мышками. Взгляд такой, будто разорвёт на куски он сейчас это чёртов

поезд.

Мужики ржут, хлопая себя по коленям.

– Бамбалеило-ло!... Бамбалеило...

Всё продолжается минуты три и паренёк даже куда-то нервно звонит, с ненавистью поглядывая на вагоны, сплёвывая в сторону поезда с презрением. И вдруг поезд дрогнул и со стоном двинулся, слабо потянувшись назад!..

Паренёк, видимо решивший, что его угрозы были услышаны, бросает победоносный взгляд на вагон, типа «я ещё тебя поймаю!», грузно вползает в кабину и нервно газует, торопя шлагбаум.

...Предсмертно протянувшись на пять метров вперёд, поезд останавливается...

Потрясённый этим, паренёк на секунду замирает, и выходит из джипа уже с таким видом, что просто «ну-всё-о-о!... ты меня достал...».

Мужики ржут, неприлично переходя на женский визг. Один сел на корточки, закрыв руками лицо.

И я почти уверен, что шлагбаум сейчас сломают.

Покатываясь от смеха, один из мужиков снимает всё на телефон, а паренёк, набрав побольше воздуха, кричит то в один, то в другой конец поезда какие-то страшные вещи, заглушаемый своим же магнитофоном:

– Бамбалеило-о-о!... Бамбалеило...

Приискивая глазами на земле камень, словно для надоевшей шавки, и не находя его, паренёк окончательно выходит

из себя, и опять звонит, жестикулируя кому-то в трубку – «Не, ты прикинь?!».

... Через пять минут поезд опять тронулся и, увидев подходящий к переезду конец состава, паренёк, укоризненно качая головой, нервно плюхается в «лексус», готовый сорваться с места.

Поезд медленно проехал и шлагбаум равнодушно поднялся.

Джип рванул...

... Совершенно ошарашенный, увидев, что перед ним стоит целая колонна машин с противоположной стороны (он же на «встречке»! не забывайте!), паренёк от неожиданности остановился на путях, потрясённо подняв брови...

Через минуту он уже сигналил впереди стоящим, требуя немедленно убрать колонну с дороги!..

Мужики сзади меня, устав от хохота, проезжают мимо него, и каждый считает своим долгом, перекрикивая «бамбалеЙлу», крикнуть в окно пареньку:

– Ты по встрече едешь, придурок! Убери машину, ишак!..

А паренёк успеваеТ огрызнуться им каждому в ответ чем-то обидным, переключаясь то на нас, то на передних.

... В зеркало я видел, его как джип, «не пропускаемый передними», стал нагло оттеснять наш ряд, но ему никто не уступает, и в завязавшейся склоке к джипу подошёл красный от злости здоровенный бородач и что-то прокричал по-

бледневшему пареньку в окно, и паренёк вжался в сиденье, вытаращив глаза.

Убрать с дороги джип заставили.

Резко рванув влево, «лексус» помчался по обочине, подпрыгивая и поднимая облако пыли, грохоча гравием по днищу...

– Бамбалейло-о-о... Бамбалейло-о!... Фартуна иф ю эт кульпа миа иф ка-ра-сон!..., – несётся из облака.

...Жарко было, помню.

Скучаю я по нему теперь...

Верочка

...Да, некрасивый Сергей Игоревич. Ох, и не красивый!.. Большой, толстый, лысый. За столом чавкает, рот лоснится от жира. Говорит всегда одновременно жуя и хохоча, брызгая слюной. Тфу!.. Смотреть противно!.. Его секретарша, тридцатилетняя Вера, терпеть не может своего «босса». И всякий раз подмечает всё новые и новые его некрасивости. Да и какой он Сергей Игоревич? Он её года на два старше всего, наверное. На ворованные деньги сколотил фирму по продаже стройматериалов, и стал большим начальником. А сам в носу ковыряет. Тфу! Сдуреть можно... Как глянешь на него, так и воротит! Разве это мужик? Свинья жирная. Причём наглая и невоспитанная свинья. «Корпоратив» опять собрал после работы!.. Весь коллектив пригласил, чтобы опять сидеть во главе стола, расставив жирные ляжки и, чавкая креветками, про Турцию рассказывать. За столом собрались все двенадцать человек. Даже охранника Лёшу притащили. И Сергей Игоревич «поляну накрыл» для работников, тут и мясо, и шампанское, и два вида вина для женщин... А сам хозяин торжества сидит выше всех, жрёт, аж за ушами трещит, и других подгоняет. И никто не посмеет отказаться. Если решил он расщедриться – попробуй только откажись, посмей только не есть! Посмотрит так, будто на вора какого... Ох, и ненавидит же его Вера... Домой надо

бежать, с Ленкой уроки учить, а этому борову одному скучно, денег куры не клюют, вот и собрал слушателей:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.